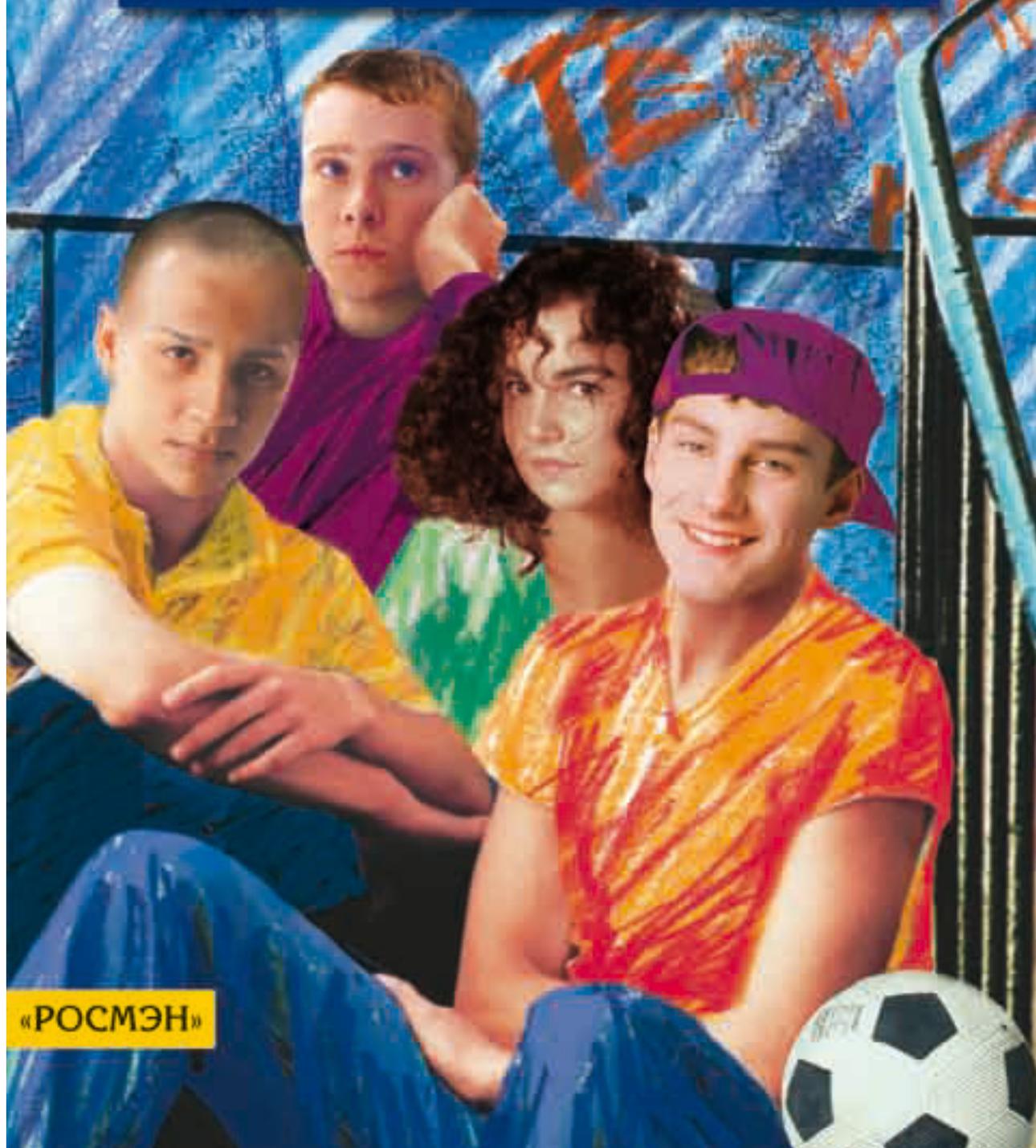

*Классные
истории*

Арсений СНЕГОВ

Мечта хулигана

«РОСМЭН»

Классные истории

Арсений Снегов

Мечта хулигана

«РОСМЭН»

2003

Снегов А.

Мечта хулигана / А. Снегов — «Росмэн», 2003 — (Классные истории)

Девятиклассница Александра Авилкина оказалась очень способным редактором школьной газеты. Егор Андреевич, учитель русского языка и литературы, даже пророчит ей блестящую журналистскую карьеру, поскольку, по его мнению, у Саньки нет нравственных тормозов: ради сенсации Авилкина вполне может совершить аморальный поступок. Как нарочно, популярность «Большой перемены» начинает падать. Газету необходимо срочно спасать. И тут в почте редакции Авилкина находит записку, которая может стать настоящей бомбой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Арсений Снегов

Мечта хулигана

Глава 1

На столе стоял круглый фруктовый торт с четырнадцатью зажженными свечками, рядом открытая бутылка шампанского. Свет в комнате был погашен, и озаренное пламенем свечей лицо Николая Михайловича Авилкина казалось в полумраке почти молодым.

– Александра! – торжественно и серьезно начал он, поднимая бокал с шампанским. – Саша! Мы, то есть я и мама, поздравляем тебя с четырнадцатилетием и желаем тебе... э-э... – Тут Николай Михайлович сделал паузу.

Саня Авилкина хихикнула, нарушив тем самым торжественность момента. Николай Михайлович строго взглянул на дочь, а та в ответ скорчила ему страшную гримасу. И отец, не выдержав, рассмеялся:

– Ну, короче, здоровья и счастья тебе, доченька!

Все трое чокнулись и выпили.

– А теперь, Санька, дуй на свечки! – сказала мама.

Саша набрала воздуху и дунула изо всех сил. Половина свечей погасла.

– Дуй еще! – произнес отец.

Санька дунула снова. На этот раз ей удалось погасить все свечи. В комнате сразу стало темно.

– С днем рождения, дочка! – сказали папа и мама вместе. После чего отец зажег люстру.

– Спасибо! – смущенно ответила Санька и тут же поинтересовалась: – А что вы мне сегодня подарите?

Отец снова рассмеялся:

– Не так быстро! Сначала что ты должна сделать? Помнишь?

– Ну папа! – взмолилась Санька. – Мне уже не пять лет все-таки!

– Саша, лапочка, но это же наша семейная традиция! – поддержала отца мама.

Санька вздохнула. Потом, с видом покорной безнадежности, она встала со стула, откашлялась. Взглянула на родителей. Те смотрели на дочку с нежностью. «Ладно, – подумала Санька, – фиг с ним. Сделаю предкам приятное!»

Тоненьким, жалобным голосом она запела:

Разлука, ты разлука, чужая сторона,
Никто нас не разлучит, лишь мать сыра земля!..

Когда она закончила петь, родители дружно зааплодировали. Санька, улыбаясь, села на место. Отец сказал:

– Я сейчас! – и убежал в спальню.

Он появился секунду спустя. В руках Николай Михайлович нес большую коробку, перевязанную розовой шелковой лентой.

– Боже мой! Коля, что это? – с показным удивлением воскликнула мама.

– Это подарок нашей Сашеньке! – подыграл ей отец.

Санька поморщилась. Этот спектакль, повторяющийся дословно каждый год, успел ей порядком надоесть. Но она знала, что протестовать бесполезно: в день ее рождения родители словно с цепи срывались. В этот день им нравилось играть в такую игру, будто Санька все

еще маленькая, бойкая черноглазая девчушка с темными кудряшками, веселая и говорливая. И Санька мирилась с этим – в конце концов один раз в году можно и потерпеть!

Что было в коробке, Санька догадывалась. Она давно просила родителей купить ей хороший профессиональный диктофон. И девочка не ошиблась – в коробке оказался действительно диктофон, причем очень дорогой, с огромным количеством полезных функций!

– Папа, мама, спасибо! – искренне произнесла Санька. – Я правда так рада!

– И мы рады, доченька! – ответила мама.

А Санька обняла маму и поцеловала. А потом за своей порцией поцелуев к Саньке подошел и отец...

Здесь возникает два вопроса. Во-первых, зачем четырнадцатилетней девочке, только-только перешедшей в девятый класс, нужен профессиональный диктофон? А во-вторых, почему эта четырнадцатилетняя девочка празднует свой день рождения в узком семейном кругу, а не с шумной, веселой компанией сверстников? Чтобы ответить на эти вопросы, надо вообще понимать, кто такая эта Саня Авилкина...

Александра Авилкина всегда была уверена, что в школе ее недооценивают. И даже догадывалась, отчего так происходит. Дело в том, что Санька, единственный и любимый ребенок в семье, не была, к сожалению, красавицей. Более того, даже просто симпатичной девчонкой ее назвать было трудно. Маленького роста, худенькая, с крошечным подвижным, словно у обезьянки, личиком, с шапкой курчавых черных волос, Авилкина, конечно, не вписывалась в общепринятые стандарты девичьей красоты. И если в младших классах это девочку не особенно беспокоило, то класса с шестого Санька стала замечать: она не такая, как другие девчонки. Даже длинная и нескладная Расцапова и то пользовалась большим успехом у ребят, чем Санька. Не говоря уж о признанной красавице Рите Ушатовой, которая, если честно, была, по мнению Авилкиной, обычной дурехой. Но за дурехой Ушатовой бегала половина мальчишек класса, а умненькая Саня каждый день ходила домой одна. Но что говорить о парнях, если у Саньки не было даже задушевной подруги!

За годы учебы Санька привыкла к такому положению вещей. И ей стало даже казаться, что ее одиночество – вещь совершенно нормальная и никто ей не нужен. В душе очень честолюбивая и самоуверенная, Санька никогда не сомневалась, что и без помощи друзей добьется в жизни многого. Потому что она умнее, талантливее, если хотите – хитрее всех своих сверстников. И возможно поэтому еще в восьмом классе, когда учитель русского языка и литературы Егор Андреевич предложил Саньке стать главным редактором школьной газеты «Большая перемена», она охотно согласилась.

Санька ушла в это дело с головой. Обладая недюжинными организаторскими способностями и отменным журналистским нюхом, она за полгода сделала школьное издание суперпопулярным. Собирая материалы для статей, она не боялась самых жгучих и опасных тем. Результатом ее первого же серьезного расследования стало то, что из школы была вынуждена уволиться завуч Тереза Дмитриевна: неугомонная и проницательная Авилкина уличила педагога во взяточничестве.

И теперь, спустя полгода после окончания той истории, Санька чувствовала себя вполне счастливой: как главного редактора школьной газеты ее знали и уважали все школьники, а многие учителя просто-таки побаивались ее острого языка.

Вот по всем этим причинам Авилкина и мечтала о профессиональном диктофоне. И теперь, глядя на дорогую игрушку, девочка предвкушала, как лихо она проведет с ее помощью очередное скандальное расследование в школе.

На следующий день Санька, закрывшись на ключ в лаборантской, переоборудованной под редакционную комнату, разбирала почту.

Писем читатели писали немало. В основном это были просто коротенькие односложные записочки вроде: «Рассказ Стасовой – просто супер!!!», или: «Зачем вы про меня гадости пишете?», или: «Я тебе, Авилкина, уши пооткручу. На фиг». Но среди них порой находились и дельные рассказы, и хорошие стихи, и вменяемая критика. Например, сейчас в руках Саша держала письмо одного из старшеклассников:

Совершенно нелепо выглядит ваша статья от двадцать седьмого сентября. Вы осмеливаетесь утверждать, что курение на территории школы надо запретить. Ссылаетесь на общемировую практику отказа от курения в общественных местах. Говорите о вреде пассивного курения, о страданиях младших школьников и развитии у них астмы. Все это отнюдь не выглядит хоть сколько-нибудь теоретически обоснованным и последовательным, а скорее напоминает кучу разрозненных фактов, искусственно и наспех сколоченных в неуклюжую, кособокую конструкцию, которая не может вызвать никакой иной реакции, кроме снисходительной жалости к ее автору...

Тут Авилкина перестала что-либо понимать и уже хотела отложить это чересчур заумное письмо, но увидела коротенькую приписку, сделанную другим почерком:

Авилкина ты коза. Будешь про меня еще гнать, я тебе нос оторву. Без базара.

Саша скомкала письмо и кинула его в корзину для мусора. Она уже привыкла не обращать внимания на подобные выпады. Бывало, что даже учителя, разгневанные какими-то статьями Авилкиной, писали Саше письма с угрозами. Некоторые из этих писем Санька, обожавшая скандалы, иногда даже публиковала.

Последняя же статья, наделавшая шуму в школе, называлась: «За что страдают ботаны?» В ней Саша описала отношения отличников и хулиганов. Как некоторые из двоечников побоями заставляют отличников делать за себя домашние задания, отнимают у них деньги на завтраки, ну и так далее. Причем Авилкина не забыла пофамильно перечислить всех тех негодяев, кто, по ее мнению, навел террор на ботанов. После публикации директор устроил расследование и даже вызывал в школу родителей некоторых из героев статьи.

Многим хулиганам влетело тогда «по полной». И теперь они жаждали мести. Саша решила, что приписку сделал один из этих двоечников и что надо написать вроде как «ответку». Что-нибудь едкое и победоносное. Авилкина включила свой редакционный компьютер и большими буквами набрала заголовок новой статьи: «Кара настигла хулиганов». Потом написала еще один: «Нет больше страха!» Второй ей понравился больше.

В четверг все материалы газеты показывались Егору Андреевичу Малышеву, учителю русского языка и литературы. Из всех школьных преподавателей Авилкина уважала только его. Вообще-то Саня имела довольно скверное мнение об учителях. Она искренне считала, что большинство из них, обладая множеством недостатков, по своим моральным качествам просто не соответствуют высокому званию педагога. Но Малышев – это совсем другое дело. Он общался с ребятами как с равными и всегда им доверял.

Нахмутив брови, Егор Андреевич второй раз перечитывал статью Авилкиной «Нет больше страха!». Потом он отложил листок и глубоко вздохнул.

– Что-то не так? – встревоженно поинтересовалась Авилкина. – Так я исправлю, вы только скажите где!

Учитель, не отвечая, снова погрузился текст, а потом вдруг спросил:

– Саша, а тебе не кажется, что называть пятнадцатилетних ребят будущими уголовниками – это немного... э-э-э... чересчур?

В ответ Санька затараторила, возбужденно всплеснув тонкими ручками:

– Нет, Егор Андреич, ну они же двоечники. Правда? То есть на работу их никуда не возьмут, и тогда они что? Воровать пойдут, да? И сядут потом в тюрьму! А там, я по телевизору видела, они станут законными ворами. Так что я все правильно написала.

– Неужели ты и вправду так думаешь? – Егор Андреевич удивленно посмотрел на девочку. – Ну что любой двоечник и хулиган непременно кончит тюрьмой?

– А как мне еще думать? – в свою очередь удивилась Авилкина. – Я, например, не слышала, чтобы в тюрьму отличники попадали. Даже про хорошистов не слышала. А вот двоечников там – полно! Наши-то чем лучше?

Егор Андреевич встал со стула и, опираясь на палочку, подошел кокошку. Учитель хромал с детства. Все знали, что в шестилетнем возрасте он перенес полиомиелит. Но в школе все к хромоте учителя давно привыкли и уже не обращали на нее внимания. Авилкина тем временем нервно посматривала на часы: вот-вот должен начаться урок физики. Не оборачиваясь, Егор Андреевич сказал:

– Саша, я не хочу навязывать тебе свое мнение, но с публикацией этой статьи я бы на твоём месте подождал.

– Хорошо, Егор Андреевич, я подумаю! – ответила Санька, хотя на самом деле ни о чем таком думать она не собиралась. Как и всегда, Авилкина была абсолютно уверена в своей правоте.

И статья «Нет больше страха!» в пятницу все-таки появилась в школьной газете «Большая перемена».

Глава 2

За школой, на лавочке, сидели три парня. Они курили и о чем-то разговаривали. Первый был, похоже, из тех, кого принято называть качками. Низкорослый, но чрезвычайно широкий в плечах, с мощной мускулатурой, он носил просторную одежду и тяжеленные армейские ботинки. Лицо его редко выражало что-либо помимо тупого напряженного внимания. Как если бы он боялся упустить нечто, что в один миг откроет перед ним все тайны мироздания. В действительности же он был тугодумом и второгодником, брил голову, и звали его Шурик Лысый.

Второй же не мог похвастаться развитой мускулатурой. Зато этот недостаток с лихвой компенсировался его высоким ростом. На подвижном лице парня нередко появлялась глумливая ухмылка, назначением которой было показать, насколько остальные перед ним «сынки». Одевался он по последней фанатской моде: кеды, клетчатая рубашка, джинсы и черная ветровка. Его аккуратно стриженную голову венчала бейсболка с надписью «Killer Loop». Друзья дали ему прозвище Жуль, хотя на самом деле он звался Володей. А фамилия его была Гуреев.

Что же касается третьего... Этот худосочный паренек представлял собой пародию на первых двух. Он смотрел на обоих друзей снизу вверх, ловил каждое их слово и вообще был на побегушках. И звали его почему-то Сокич, а настоящего его имени не помнил никто.

Шурик монотонно бубнил:

– Ну и вот. Этот лох подваливает и начинает ныть: типа, двигай отсюда, или он меня, понимаешь, отпинает в одинаре. Ну я ему, конечно, в торец. Он прилег, отдыхает. Бегут еще четверо. Типа, хотят впрячься. Я смотрю – ловить нечего, и делаю ноги...

Вовик слушал приятеля вполуха. Он задумчиво курил, стряхивая пепел на ботинок Сокичу. Было слышно, как в школе прозвенел звонок. Сокич сказал:

– Э-э, Жуль!

– ...Ну и, короче, приняли нас менты, – продолжал свой бесконечный рассказ Шурик. – В отделении шмонать начали. У пацана одного кастет нашли. По ходу, теперь ему вилы...

– Э-э, Жуль! – повторил Сокич.

– Ну че те надо? – Вовик нехотя глянул на приятеля.

– А мы на физику – что? Не пойдём?

– Я – нет. А ты как хочешь. – Он стал увлеченно рассматривать собственные ногти, очевидно желая тем самым показать, что разговор окончен.

– Я по-любому биологию забиваю. – Шурик выкинул окурочек и смачно плюнул. – Все равно Степашка в четверти пару влепит. Мне там ловить нечего.

Сокич встал:

– Ребят, ну тогда я двину, а? А то мне с Терминатором проблем не нужно!

Вовик, явно думая о чем-то своем, сказал как-то безразлично:

– Ну и вали отсюда. Не фига тут... – Видимо, он хотел добавить что-то еще, но замолчал, полностью погрузившись в свои мысли.

Тут надо сделать кое-какие пояснения. Ну, во-первых, необходимо объяснить, кто такой Терминатор. Так школьники – и даже некоторые преподаватели – за глаза звали директора школы Павла Александровича Дитятина. Звали его так не столько из-за его высокого роста и невероятной физической силы, а скорее потому, что он, подобно популярному герою Шварценеггера, казался человеком без нервов. Он никогда не повышал голоса на учеников, не кричал и не ругался. Он просто молча смотрел сквозь очки на провинившегося. Но в его глазах при этом было что-то такое, что несчастный ученик весь покрывался холодным потом и не чаял унести ноги от этого свинцового взгляда. Все ребята испытывали панический ужас, даже издали завидев в школьном коридоре его мощную фигуру. И если какого-нибудь бедолагу отправляли к директору на воспитательную беседу, то товарищи провожали его как на казнь.

Думаю, не стоит и говорить, что на уроках физики, которые вел Терминатор, посещаемость почти всегда была стопроцентной.

Второе, о чем стоит упомянуть, – это причина, по которой Вовка Жуль решил прогулять сегодня физику. Все дело было в Вовкином характере. В парне словно сидел какой-то бес, заставлявший его совершать самые отчаянные поступки. Ему ничего не стоило, например, вступить на уроке в длинный спор с завучем Калерией Викторовной. А уж Терминатор – тот вообще представлялся Вовке противником идеальным: как же, гроза всей школы! Человек, от взгляда которого трепещут даже учителя! Вот это был достойный соперник для юного негодя!..

Вовка понял это не так давно, в самом конце прошлого учебного года. Он как-то вдруг осознал, что Терминатор вовсе никакая не «боевая машина», а обыкновенный мужик. И что не кто иной, как он – то есть Вовка! – развенчает перед всей школой миф об этом сверхчеловеке. И первый смелый шаг к этой цели он решил сделать именно сегодня.

Однако вернемся к нашим героям. Презрительно посмотрев вслед уходящему Сокичу, Шурик предложил:

– Может, пивася?

Лицо Вовика оживилось:

– Это в легкую! Только с бабками напряг.

– Ну пойдем молодых потрясем, может, че надыбаем...

Они встали со скамеечки и неторопливо направились к школьному крыльцу. Только что начался пятый урок. Из школьных дверей то и дело выскакивали малыши, у которых уроки уже закончились. Некоторых из них встречали родители, другие же шли домой в одиночку.

– Эй, друган, тормозни, – сурово сказал Шурик, обращаясь к светловолосому пареньку лет одиннадцати. Мальчишка остановился и жалобно заморгал глазами. – Есть че покурить?

– Я н-н-не к-курю, – ответил тот дрожащим голосом.

– А как тебя зовут? – поинтересовался Вовка, и на его лице появилось некое подобие дружелюбной улыбки.

– Алексей...

– Ну вот что, Алексей! Ты этого отморозка не слушай. – Вован приобнял за плечи растерянного парнишку. – Тут вот какая беда... У меня игра завтра, а денег на бутсы не хватает. Всего каких-нибудь пятидесяти рублей. Не выручишь?

Сообразив, что сразу бить его никто не собирается, мальчишка слегка оживился:

– А ты за кого играешь-то?

– За «Торпедо-Металлург»! – без запинки ответил Вовка, а затем добавил, тяжело вздохнув: – Правда, пока за дубль...

– Слышь, ты денег-то дашь? – влез в разговор Шурик. – А то мы, это, типа, на тренировку опаздываем!

Поняв, на какое благое дело эти жуткие старшеклассники просят у него денег, Алексей с энтузиазмом полез в карман. Прощаясь с ним за руку, Вовка прочувствованно произнес:

– Спасибо тебе, друган! От лица всей нашей команды!

А когда паренек радостно умчался, назидательно заметил приятелю:

– Вот, учись! А то тебе бы всё в рыло да врыло. Давай, мчи за пивасем!

Шурик принял деньги и покорно потопал в направлении ближайшего магазина. Проводив его взглядом, Вовик неопределенно высказался:

– Не, ну прям как дети!

– Лысый, как, по-твоему, Авилкина письмо наше прочла? Ну там, где я про курение в школе написал?

Друзья сидели на той же скамеечке, лениво потягивая пиво. На вопрос Вовки Шурик не ответил. В этот момент он был погружен в созерцание сигаретной пачки. Вертя ее так и сяк, он то подносил ее к самому носу, то, наоборот, разглядывал на расстоянии вытянутой руки.

– Слышь, че спрашиваю? – Вовик легонько пихнул приятеля локтем.

– А я вот все думаю... – произнес Шурик, продолжая сосредоточенно разглядывать яркую коробочку. – Они вот тут пишут: смолы – двенадцать мэгэ, никотину – ноль девять мэгэ... Значит, они как-то все это взвешивали, прикинь?!

Вовик, взглянув на дружбана с легким удивлением, тем не менее серьезно ответил:

– Понимаешь, для этого есть технология специальная. Они берут такой, типа, полиэтиленовый пакет, пустой, – Вовик изобразил, будто берет в руки этот самый пакет, – и взвешивают его. Потом закуривают и дуют в него, дуют... Пока всю сигарету туда не задуют. А после пакет снова взвешивают. Но уже с этим дымом.

– Да ладно! – недоверчиво воскликнул Шурик. – Ты гонишь!

– Какое – гоню! Я это в книге прочитал. Хочешь, принесу завтра?

– Не надо! – коротко ответил Шурик и залпом вылил в себя остатки пива. – Кстати, насчет Авилкиной, – сменил он тему, – давно пора козе этой рога поотшибать. Типа, отбить у нее навсегда охоту всякую дрянью про нас писать.

– Бить девчонок – низко! – авторитетно заявил Вовик.

– Так, может, у нее брат есть! – не унимался Лысый. – Тогда мы ему морду набьем!

– Вот смотрю я на тебя, Лысый, и думаю... – Помолчав немного, задумчиво произнес Вовка. – Все-таки Дарвин-то был прав!

– Че? – Шурик с недоумением взглянул на приятеля.

– Да ниче! Горилла ты! Понял?!

И, презрительно глянув на застывшего от изумления Шурика, Жуть двинулся к школьным дверям.

Глава 3

Все это вовсе не означало, что Вовка собирался простить Авилкиной эти ее гнусные статейки. Напротив, он очень хотел ей отомстить. Но Жюль понимал, что его месть не должна быть примитивной. Он совершенно не хотел опускаться до банальной драки: случай был не тот. Нет, Вовкина месть должна была стать вершиной изобретательности. Она должна была бы быть такой коварной и вместе с тем остроумной и впечатляющей, чтобы об этой страшной мести стрепетом и восторгом вспоминали потом многие поколения школьников.

Пока Жюль размышлял на все эти темы, прозвенел звонок с урока. Началась перемена. Коридоры школы мгновенно заполнились шумными толпами мальчишек и девчонок. К Вовке подошел Сокич:

– А Терминатор на физике про тебя спрашивал! Типа, в школе ты сегодня или нет.

– Ну и чего?

– А Авилкина говорит: «Пал Саньч, он был сегодня!» Во, гадина, будто ее кто за язык тянул! – Сокич подобострастно заглядывал Вовке в глаза.

– А чего Терминатор? – равнодушно поинтересовался Жюль.

– А ничего. Говорит: «А-а!»

– «А-а»?

– Ну да! А потом он Култыхина к доске вызвал.

– Ясно... – сказал Вовка. – Ладно, там чего у нас сейчас по расписанию?

– История! – доложил Сокич.

– Ну тогда двинули на историю! – скомандовал Вовка.

Он старался держаться так, будто ему плевать на Терминатора, но на душе у него на секунду стало как-то тревожно.

Добрейшая пожилая историчка Элеонора Николаевна была к тому же и классным руководителем девятого «А». Впрочем, к этим своим обязанностям учительница относилась довольно формально. Она никогда никого не ругала, потому что просто не умела сердиться. Если с кем-нибудь из учеников было необходимо всерьез поговорить, Элеонора Николаевна начинала переживать задолго до разговора. И журила она нерадивых школьников мягко, стараясь ничем не ранить нежную юную душу. Ребята же из девятого «А», тайком посмеиваясь над ней, тем не менее тоже старались особенно Элеонору не огорчать. Они называли ее между собой Бабушка.

После урока истории Бабушка сказала, обращаясь к Жюлю:

– Володя, голубчик... Ты мог бы на минуту задержаться?

«Так, началось... – подумал Вовка. – Видно, Терминатор уже успел ей пожаловаться, что я физику промотал!» Он сделал серьезное лицо и ответил:

– Конечно, Элеонора Николаевна! Я весь в вашем распоряжении!

Когда все остальные вышли в коридор, Бабушка, поправив очки, начала:

– Э-э-э... Володя, я хотела бы тебя спросить... Я понимаю, что, скорее всего, у тебя была уважительная причина, но тем не менее...

Элеонора Николаевна замолчала. Жюль видел, с каким трудом она пытается подобрать слова. Ему стало жаль учительницу. Он сказал:

– Элеонора Николаевна, это вы насчет физики, да? Что я на ней не был? Верно?

– Да-да! – с облегчением произнесла учительница. – Понимаешь, ко мне подошел в учительской Павел Александрович, и он был несколько рассержен... как мне показалось. Короче, он просил, чтобы я у тебя узнала, отчего ты не был на его уроке.

Вовке не хотелось огорчать историчку, но принцип есть принцип. Он произнес:

– Понимаете, я прогулял. Просто прогулял, и все.

Взглянув на Вовку с некоторым даже испугом, Бабушка сказала:

– Да-да. Это очень, очень неприятно. Но в таком случае, раз у тебя нет уважительной причины, тебе придется зайти к директору после уроков. К сожалению.

– Да нет проблем! – бодро ответил Жуль. И, не выдержав, добавил: – Да не расстраивайтесь вы так! Подумаешь, делов-то! Что, в первый раз, что ли?

– Ах, Володя! – вздохнула Элеонора Николаевна. – Зря, зря ты так. Вот, ей-богу, зря. Не кончится это добром!

Вместо ответа Жуль вежливо поинтересовался:

– Элеонора Николаевна, я могу идти?

– Да иди уж... – ответила учительница, но, когда Жуль направился было к дверям, неожиданно произнесла: – Володя, ты же умный мальчик! Ну зачем тебе все это?

Вовка пожал плечами и вышел в коридор. Он и сам не знал ответа на этот вопрос.

К кабинету директора Вовка подходил не без трепета. Уроки в школе уже закончились, и в коридорах стояла непривычная тишина. Вот и знакомая дверь канцелярии. Вовка, вдохнув поглубже, решительно рванул ручку. Люда, школьный секретарь, сама недавняя школьница, увидев Вовку, протянула:

– А-а, Гуреев! Ну проходи, проходи! Павел Александрович тебя как раз ждет! – Она ободряюще улыбнулась Вовке.

Но Жулю эти Людкины улыбочки были ни к чему. Он уже успел справиться со страхом. И был готов к бою.

Презрительно покосившись на симпатичную секретаршу, Вовка вошел в кабинет.

Терминатор сидел за своим столом. Лицо его казалось высеченным из камня. Короткий седой ежик на голове стоял дыбом. Ахолодные глаза цвета льда зловеще мерцали за стеклами очков. Гранитный подбородок застыл над безупречным узлом галстука. Да, действительно, это был достойный противник... «Главное – не поддаваться на его эти штучки! – подумал Вовка, чувствуя, что его начинает захлестывать неуправляемый приступ паники, – Он только и ждет, что я струшу!» Огромным усилием воли Вовка подавил желание вытянуться по стойке смирно. Решив сразу взять инициативу в свои руки, он спросил довольно развязным тоном:

– Пал Саныч, чего звали-то?

Директор молчал. И только внимательно разглядывал Вовку с ног до головы. «Блин, ему бы следователем в прокуратуре работать, а не школьным директором!» – мелькнула у Вовки мысль. Он переступил с ноги на ногу и изобразил на своем лице специальную улыбку – презрительную и чуть равнодушную. «Меня этими вашими взглядами не проймешь! – должна была означать она. – Дураков ищите в другом месте!»

Эта дуэль длилась довольно долго. Потом, мобилизовав всю свою врожденную наглость, Вовка поинтересовался:

– Ну так что, я могу идти? Вы вроде говорить не хотите ничего...

– Сядь... – сказал Терминатор.

Ни один мускул на его лице не дрогнул.

Вовка, пожав презрительно плечами, буркнул:

– Да пожалуйста!.. – и уселся на стул, закинув ногу на ногу.

– Нормально сядь! – приказал директор.

Снова пожав плечами, Вовка сел нормально.

Почмокав чуть-чуть губами, будто пережевывая бумагу, директор начал:

– Вот, Гуреев Владимир. Что я хочу тебе сказать? Хреновые твои дела, да.

Вовка удивленно расширил глаза и чуть улыбнулся: мол, с чего бы им быть такими плохими? Нормальные у меня дела...

– Я тут подумал, – продолжил между тем Терминатор, – и вот что понял. Устал я, Гуреев, от тебя. Надоел ты мне!

«А уж вы-то как мне надоели, Павел Александрович!» – чуть было не ляпнул в ответ Жуль. Но вовремя сдержался. Решил, что это было бы уж совсем чересчур. Перегиб, прямо скажем. И Вовка промолчал. Он глядел теперь в пол прямо перед собой.

– Но выгнать тебя из школы до окончания девятого класса я не могу! – С искренним огорчением Терминатор развел руками. – Закон, понимаешь, не позволяет! Зато я знаешь что могу?

– Что? – с неподдельным любопытством спросил Вовка и посмотрел на директора.

То, что он увидел, ему не понравилось. В глазах Терминатора зажглись ехидные огоньки, а выражение лица стало каким-то, что ли, победительным. Вовка понял, что Павел Александрович в борьбе с ним придумал некий совершенно новый, неожиданный ход.

– Если ты позволишь себе еще раз прогулять мой урок... Или если я узнаю, что ты прогулял чей-то еще урок... Или если на тебя пожалуются родители других учеников... В этом случае я непременно договорюсь с твоими родителями, чтобы они перестали отпускать тебя на футбол! – закончил директор. – Чтобы они перестали давать тебе деньги на билеты – раз. И еще... – Тут Терминатор сделал зловещую паузу. Вовка понял, что самое главное – впереди. И замер. – И еще – я буду не просто вызывать их в школу, а делать это я буду по графику! Все равно ведь они почти каждую неделю тут бывают, правда? И ты тут каждый раз с ними топчешься и ноешь, что больше не будешь...

– Ничего я не ною! – вскинулся Вовка.

– Хорошо, не ноешь. – Директор покладисто кивнул. – Главное, ты обязан каждый раз сними сюда приходиться. И ты это знаешь. И не менее важно то, что и они это знают... А график вызовов я составлю очень просто...

Тут Терминатор извлек из ящика стола листок и показал его издали Вовке. Жуль глянули – обомлел. На листке был расписан график игр команды «Локомотив» в этом сезоне. График игр любимой Вовкиной команды, верным и преданным болельщиком которой он был уже четыре года.

– Я ручаюсь тебе, – в голосе Терминатора теперь звенел металл, – я ручаюсь тебе, Гуреев, что в случае еще хотя бы одного твоего нарушения школьной дисциплины ты этой осенью не попадешь ни на один матч «Локо»! Понимаешь меня? Ни на один! Вместо этого ты будешь торчать с родителями у меня в кабинете и слушать, что о тебе говорят педагоги! А им всегда найдется, что про тебя сказать! Ты меня понял? Скажи, понял?

– Понял... – сипло прошептал Жуль.

Он понял по-настоящему только одно: Терминатор его «сделал». «Сделал», как пацана. Директор ударил его в самое больное место. Жуль не мог без футбола. Посещение футбольных матчей было тем единственным, что давало Вовке неповторимое ощущение полноты жизни. Можно даже сказать, что он от матча до матча и не жил вовсе. Так, время проводил. Тем более теперь, когда чемпионат подходил к концу и когда вот-вот будет решаться главный вопрос: быть ли «Локомотиву» в этом году чемпионом?

Вовка встал. Спросил:

– Я могу теперь идти?

– Иди... – кивнул директор и уткнулся в какие-то бумаги.

А Вовка на негнущихся ногах поплелся к дверям.

Глава 4

Он вышел в канцелярию. Заметил, как секретарь Люда кинула на него любопытно-сочувственный взгляд, и постарался напустить на себя бодрый и независимый вид. Но получилось это у него не больно-то хорошо, потому что Люда участливо спросила:

– Что, Гуреев, досталось тебе? – И добавила: – Да не расстраивайся ты так! Не ты первый, не ты последний... На вот, конфетку съешь!

Вовка молча подошел к секретарскому столу, взял из красивой коробки большую шоколадную конфету. И, запихнув ее в рот целиком, промямлил:

– Шпашибо...

– Не за что! – улыбнулась секретарша.

Вовка снова отметил, что Людка эта в общем ничего. Симпатичная...

– Люда, зайдите ко мне, пожалуйста! – раздалось вдруг из кабинета директора.

– Иду, Павел Александрович! – откликнулась секретарша.

Дружески подмигнув Вовке, она упорхнула в кабинет.

Вовка остался в канцелярии один. В голове его царил полная сумятица. «Ну и дела! – мелькнула мысль. – Что же мне, и вправду пай-мальчиком теперь становиться?» И еще: «Да, Вован, ты пока против директора – просто пацан сопливый!»

Тут из кабинета донесся Людкин смех. Вовка прислушался, перестав на время жевать. Он услышал басок Терминатора – тот явно рассказывал секретарше что-то смешное. «Веселятся... – подумал Вовка. – Сломали человеку жизнь, а теперь веселятся!..»

Рассеянно осматривая письменный стол секретарши, Вовка заметил вдруг сложенный пополам тетрадный листок. Краешек листка немного загнулся. И Вовка прочел написанные там слова: «Люда, родная! Мне так...» Конца фразы видно не было. Вовка, поколебавшись, взял в руки листок, развернул. Почерк показался Жулю неуловимо знакомым.

Это было любовное послание. Опустив подробности, Вовка сразу взглянул на подпись: «Всегда твой Пашка-промокашка».

«Пашка-промокашка»? Вовка замер в недоумении. И снова отметил, что видел уже где-то этот строгий, аккуратный почерк. Сдернув с плеча сумку, он быстро достал из нее дневник, нашел нужную страницу... На этой странице было написано: «Уважаемые Ирина Сергеевна и Игорь Анатольевич! Убедительно прошу вас зайти в школу в эту пятницу, в 17–00, с целью обсуждения со школьной администрацией фактов неудовлетворительного поведения вашего сына Владимира Гуреева. Директор школы П. А. Дитятин». Число, подпись.

Вовка стоял столбом, приоткрыв рот от изумления. Любовная записка секретарю и замечание в дневнике были написаны одним почерком! Значит, это что? У директора служебный роман с собственной секретаршей?!

Вовку прошиб пот. Он аккуратно сложил письмо, положил на прежнее место. Убрал дневник в сумку. Потом снова схватил послание и метнулся к стоящему в углу ксероксу. Быстро сняв копию, Вовка вернул оригинал на место. А копию, аккуратно свернув, убрал в карман.

Он понял, что с этого момента Терминатор в его руках. «Я из него теперь веревки вить буду! – подумал Жуль, выходя в школьный коридор. – Все-все ему припомню, все обиды... Замечания, выговоры, вызовы в школу родителей... Он, гад, на коленях передо мной будет ползать!»

Вовке стало вдруг весело и хорошо. Он понял, что для него в школе начинается новая жизнь.

А Саше Авилкиной в это время было совсем скверно. Она брела домой через сквер и размышляла.

Дело в том, что популярность газеты «Большая перемена» в этом учебном году начала медленно, но неуклонно падать. С каждым выходом газеты пачка неразобранных экземпляров на посту охраны становилась все толще и толще. И Санька прекрасно понимала, в чем тут дело. В школе давно не было никаких скандалов. И даже цикл статей про школьных хулиганов особо не выручил: в любой школе всегда есть хулиганы. Чего в этом сенсационного? Совершенно ничего! Нет, тут нужен был именно скандал, такая взрывная информация, что не оставит равнодушным никого. Но где ее было взять?

Санька в последние дни буквально «запытала» своих добровольных информаторов, что были у нее почти в каждом классе. Но те только мотали головами: «Нет, Санька, мы бы и рады душой, но ничего интересного мы не слышали! Никаких взяток, растрат школьных денег, выпивающих в рабочее время педагогов, ничего! Никаких учителей – тайных садистов, никаких школьников-наркоманов...» Авилкина ходила и к Людмиле, школьному секретарю. Санька принесла секретарю коробку дорогих конфет и долго выспрашивала Люду о том, не ходят ли по школе какие-нибудь новые слухи. Может, к примеру, какая новая реформа среднего образования готовится? Люда конфеты охотно взяла, но помочь Саньке не смогла ничем.

Авилкина присела на скамеечку. Достала из рюкзака новый диктофон, применения которому она так пока и не смогла найти. Нажав на кнопку, Санька сказала в аппарат, изменив немного голос:

– Мы берем интервью у Александры Авилкиной, главного редактора популярной газеты «Большая перемена». Скажите, Александра Николаевна, как вам удалось так быстро добиться таких выдающихся успехов? Нет... таких впечатляющих результатов?

И уже своим голосом Санька ответила на вопрос воображаемого корреспондента:

– Я просто выполняла свой журналистский долг! Который состоит в том, чтобы... э-э-э... всегда сообщать людям правду о разных событиях, происходящих вокруг! Вот!

– Скажите, уважаемая Александра Николаевна, – продолжила Санька игру, опять изменив голос, – неужели вам никогда не было страшно?

– Конечно, мне было иногда страшно, как любому человеку. Но я всегда знала, что за мной стоит армия моих читателей, которые с нетерпением ждут выхода свежего номера газеты. И это придавало мне сил в самых сложных ситуациях!..

Санька остановила запись, нажала на воспроизведение. Послушала, что получилось. Улыбнулась. И собралась уже уложить диктофон обратно в школьный рюкзачок. Но тут к ней внезапно подсели двое незнакомых ребят.

Они подсели к Саньке одновременно с двух сторон так, что Авилкина оказалась зажата ими на скамейке, словно в тисках. Один из парней, по виду Санькин ровесник, худенький и лохматый, сказал:

– Смотри, Толян! Что это у девушки за прибабас? Вроде плеер? – Ион бесцеремонно вырвал из рук оторопевшей Саньки ее новый свежеподаренный диктофон.

– Ну-ка дай! – С этими словами Толян, явно годами постарше приятеля, упитанный, с короткой стрижкой, взял диктофон и стал тыкать толстыми пальцами наугад в разные кнопки. – Не, вроде не плеер! – сообщил он. – У плеера наушники есть. А тут наушников нет.

Но все равно – штука прикольная. Пригодится для чего-нибудь!

– Я сейчас заору! – предупредила негодяев Авилкина. Она уже чуть оправилась от шока.

– А давай вместе! – предложил худенький. И действительно, тут же истошно заорал: – Ми-ли-ци-я! Гра-бю-ют! Ну чего же ты мне не помогаешь? – обратился он к Саньке. – Ору в одиночку, как придурок!

Санька огляделась. Двое прохожих обернулись на крик, но, убедившись, что это просто балуются подростки, продолжили свой путь. Санька поняла, что может со своим диктофоном

попрощаться. Ей стало ужасно обидно. Если бы могла, она убила бы на месте этих наглых пацанов. Но что она была в силах сделать – маленькая, шуплая, одинокая девятиклассница?.. И Авилкина от бессильной ярости просто взяла и заревела. Заревела впервые за последние, пожалуй, лет восемь своей жизни.

Но, оказывается, крик малолетнего негодяя услышал и еще кое-кто. Случилось так, что по бульвару в это время неспешно прогуливался с сигареткой в зубах не кто иной, как Шурик Лысый. Услышав дурашливый возглас юного мерзавца, он подошел поближе, надеясь встретить здесь кого-нибудь из знакомых. И он увидел: Санька Авилкина сидит на скамейке с мокрыми глазами, а два каких-то незнакомых пацана явно над ней издеваются.

Шурик Лысый мыслил всегда очень просто. Мир делился для него на своих и чужих. Причем, кто – свой, а кто – чужой, Шурик решал в каждой ситуации отдельно, согласуясь со своими довольно туманными понятиями на этот счет.

И сейчас, когда глаза Шурика передали информацию об увиденном в его основательный, неторопливый мозг, шестерни в нем сдвинулись со скрипом с места, и скоро – буквально через полминуты – мозг выдал ответ: Авилкина – своя. Ну хотя бы потому, что Шурик ее знал. И даже учился с ней водной школе. А до начала этого учебного года так и вообще в одном классе. Следовательно, те двое парней были чужие. А с чужими у Шурика Лысого обычно был разговор короткий.

Шурик выплюнул окурок и, подойдя к месту действия вплотную, сказал очень спокойно:
– А, Авилкина! Привет!

Заметив Лысого, Авилкина сразу перестала рыдать. Видимо интуитивно что-то поняв, она тут же Шурику подыграла:

– Сашка, ты? Здравствуй!

– Гуляешь?.. – сложив руки на груди и устремив безмятежный взгляд в небо, поинтересовался Шурик.

Сидящих рядом с Санькой ребят он как бы даже не замечал.

– Ага, г-гуляю! – кивнула Авилкина.

– А это твои дружбаны, что ли? – Лысый наконец-то удостоил Санькиных обидчиков взглядом.

– Д-да... То есть нет! Я их вообще в первый раз вижу!

– В первый раз видишь... – задумчиво повторил Шурик. – Интересно...

Во время этого странного диалога Толян и его приятель молчали, явно пытаясь осмыслить ситуацию. Первым сообразил тот, что был постарше, то есть Толян. Услышав это не сулящее ему ничего хорошего «интересно» и бросив взгляд на внушительный разворот плеч Лысого, на его бритую наголо, устрашающую «тыкву», он негромко сказал, обращаясь к своему подельнику:

– Слышь, Теша...

Больше ему говорить ничего не пришлось. Худенький Теша, сразу все поняв, вскочил со скамейки. К нему тут же присоединился и сам Толян. Когда они, сопровождаемые пристальным взглядом Шурика, уже было собрались с достоинством удалиться, Авилкина спохватилась:

– Эй, парни, а диктофон?

– Какой диктофон? – живо среагировал Шурик Лысый. – Они что, взяли у тебя что-то? – обратился он к Саньке.

– Мы просто смотрели! – торопливо объяснил Толян, возвращая аппарат его законной владелице.

– Да мы просто смотрели! – подтвердил худенький Теша. – Прикольный диктофончик! – заискивающе добавил он.

И после этого хулиганов как ветром сдуло.

Глава 5

На Саньку Авилкину напал смех. Сначала она смеялась тихо. Но потом смех начал разрастаться в ней, как растёт в кастрюле дрожжевое тесто. Тогда Санька стала смеяться громче, потом ещё громче. Она смеялась, смеялась, смеялась и никак не могла остановиться.

– Авилкина, ты чего? – с недоумением поинтересовался Лысый. – Спятила?

Но Санька не могла ему ответить. Она уже просто всхлипывала, не в силах вымолвить ни слова. На глазах ее снова показались слезы. Маленькое личико Саньки сморщилось и покраснело, глаза выпучились. Она пыталась подавить приступы смеха. Но чем больше она старалась, тем эти приступы становились мучительней.

– Ты чего, а? – уже с явной тревогой повторил вопрос Шурик.

– Ис-ис-ис-те-терика! – сумела выдавить из себя несчастная Санька.

– А-а! – понял Шурик. И, не размышляя больше, он вlepил Авилкиной звонкую оплеуху.

Санька тут же замолчала. Зато скоро начала икать. Она молча сидела на скамейке и икала как дурочка.

– Водички бы надо! – среагировал на новую напасть Шурик. – Ты сиди, я сейчас принесу!

Шурик скоро вернулся. В руках он бережно нес начатую бутылку пепси. Где он ее взял, Санька интересоваться не стала. Выпив воды, она немного пришла в себя. Икать, по крайней мере, перестала. Она сказала:

– Лысый! То есть Саша! Это... Знаешь что...

Тут Санька запнулась. Это был чуть ли не первый случай в Санькиной жизни, когда она представления не имела, что сказать. Нет, что хоть что-то сказать надо, Авилкина понимала. Но что именно? С этим вышла почему-то заминка.

Но Шурик Авилкину выручил. Он вдруг произнес:

– Да, кстати... Давно хотел с тобой побазарить. Короче. Если ты еще вздумаешь в своей газетенке всякие гадости про нас с Вованом писать... Ну, в общем, ты поняла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.